

Ольга Морозова

Сказки двух соек

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
М80

Морозова О. Ю.

Сказки двух соек / Морозова О. Ю.; худ. Морозова О. Ю. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 70 с.

ISBN 978-5-532-93931-8

Противостояние добра и зла - это то, о чем обычно повествуют сказки... на одной стороне ведьмы, русалки, лешие и прочая нечисть, на другой - красны девицы и добры молодцы. Ну и, как обычно, побеждает любовь и верность.

ISBN 978-5-532-93931-8

© Морозова О. Ю., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Сказка о рыжей кошечке	5
Сказка про девушку и злую колдунью	24
Марина	35

Встретились в лесу две сойки. Уселись на большой дуб, и затре-
щали. Одна сойка у другой спрашивает:

– Где была, подруга, что видела?

– По лесу нашему летала, истории разные слушала!

– Ну и как, о чём в лесу рассказывают?

– Вот послушай! – первая сойка перышки почистила и начала рас-
сказ.

Сказка о рыжей кошечке

В давние-давние времена, в далеком-далеком уральском селении жила-была красавица Таисия. Жила она в родительском доме и горя не знала. Все у нее было: нарядов полные сундуки, украшений да камней разных видимо-невидимо. Отец дочку обожал и все для нее делал, потому что она была у него одна – единственная, а мать ее умерла родами. Семья ее по тем меркам зажиточной была, отец считался богатым купцом. Ездил он в далекие города, возил шкуры соболиные, да изделия из камня, кои скупал у резчиков. В ту пору много на Урале было мастеров да резчиков по камню – один другого искуснее. И все богател он и богател, да вот беда – жадность стала его одолевать. А, как известно, богатство в руках у слабого человека много бед натворить может, потому как, кроме денег все остальное стало купцу уже не мило. И все сидел он и думал, как бы ему еще побольше заработать. Сундуки уже ломились от добра, складывать было некуда, но купцу все мало и мало было. Через ту жадность и приключилась с ним беда.

К красавице Таисии многие сватались, но она все же одного из всех женихов выделяла – местного мастера Никиту. Был он в тех краях самым искусным резчиком по камню. Что за изделия выходили из его рук! Любо-дорого посмотреть было. Славилась она далеко за пределами Урала, аж до самого царского дворца слава о них доходила. Отец Таисии все покупал у него за небольшие деньги и отвозил в столицу, где продавал втридорога. Но Никита не горевал. Для отца любимой он мог сделать все, что угодно. Камня вокруг было полно, а мастерить было для него все равно, что воды напиться. Вскорости он собирался к Таисии посвататься, и копил деньги на свадьбу. Но все случилось иначе. Всем сватам отец девушки отказывал – они казались ему недостаточно богатыми. Ему пришло в голову, что за Таисию он непременно должен получить сундук золота и сундук драгоценных камней, только тогда он соглашался отдать ее замуж. Девушка плакала, умоляла разрешить ей выйти за Никиту – они любят друг друга, Никита лучший мастер, он много

поделок отцу смастерит, да и бедным его не назовешь. Но отец был непреклонен. Он и слушать ничего не хотел. Топал ногами, кричал – сундуки, да и точка.

И вот, как-то раз в пасмурный осенний вечер, когда за окном свистел злой ветер с гор, стоня в кучи опавшие листья и бросая их комьями в окна, да так, что иногда приходилось вздрагивать, дверь в избу Таисии отворилась, и изумленные домочадцы увидели на пороге странного гостя. Он был высок ростом, черноволос, с орлиным недобрый взглядом из-под насупленных черных бровей. Если не принимать во внимание злого выражения лица, его можно было бы назвать красавцем. Одет он был великолепно – дорогая соболья шуба до пят, на голове шапка из белого горностая, руки унизаны перстнями, которые таинственно мерцали в тусклом свете лучины. Как только он взглянул на Таисию, она сразу и обомлела, почувствовав что-то неладное. Низким утробным голосом гость спросил, где хозяин? Тот поспешно вышел из загородки, жестом отослав Таисию в светелку, а сам спросил, что будет угодно господину? Что это очень важный господин, купец сразу смекнул, но зачем он к ним пожаловал?

«Может, поделки осмотреть желаете, али шкурки? Извольте войти, я сейчас все принесу», – засуетился купец. Такой гость впервые сам к нему пожаловал, и он растерялся.

«Нет, не нужно, я по другому делу, – прогудел гость, – слышал я ты дочь красавицу замуж выдаешь? Видел, видел, хороша, ничего не скажешь. Я долгий путь проделал, да и времени у меня мало, скажу сразу – свататься я пришел. Сватов мне засылать недосуг, сам и приехал. Отдашь за меня?»

Купец оторопел. Как рыба открывал он рот и закрывал, но не мог и слова вымолвить.

«Успокойся, – сказал чернявый, – знаю я о твоём условии, иначе бы и не приехал», – он крикнул что-то в пустоту за дверь, и как по волшебству появились вдруг на полу в избе сундуки: один доверху наполненный золотом, другой драгоценными камнями.

«Ну как? – поинтересовался гость, – этого ты хотел? Смотри, как сверкают! Только зачем тебе столько, ума не приложу? Вовек не

истратишь, старый дурень. Ну да ладно, бери, мне не жалко, у меня этого добра сколько хочешь».

Но купец его уже не слушал. Глаза его от жадности загорелись, а руки затряслись. Блеск золота и камней ослепил его, и он готов был на что угодно. Бедная Таисия все слышала, она дрожала за дверь, как осиновый лист, хотя в доме было жарко натоплено. Незнакомец внушал ей ужас, а когда она услышала от отца согласие на свадьбу, и вовсе чуть не лишилась рассудка.

«Таюшка, доченька, выходи,— закричал купец не своим голосом,— посмотри, жених—то какой у тебя завидный—и красавец, и молодец, ни на что не скупится. Оденет тебя в шелка и бархат заморские, на золоте да на серебре кушать будешь, выходи, радость моя!»

Таисия вышла ни жива, ни мертва. Она боялась голову поднять, чтобы не встретится взглядом с женихом.

«Когда свадьбку сыграем?» — купец потирал руки, довольный сделкой.

Незнакомец засмеялся: «Мы свадьбу играть не будем, завтра вечером я за невестой заеду, а ты собирай ее, да смотри, не шути со мной. По пути в церковь заедем, обвенчаемся, и домой скорее, я и так тут у вас задержался. Недосуг мне долее оставаться. Готовь, отец, дочь в дорогу, да береги ее как зеницу ока. Завтра, как стемнеет, я ее заберу».

Купец закивал, ему не терпелось с богатством своим остаться. Незнакомец еще раз захохотал, и вышел вон, как ветром его сдуло. Выглянула Таисия в окно, а там только ветер воет, да деревья к земле клонятся. Никого, пусто. Страшно ей стало, да деваться некуда — воля отца — закон. Скрутила Таисию тоска смертная, села она на лавочку возле печки и заплакала. Никто ее слез не видел. Отец спустил сундуки в подпол, да и сам там остался — богатства перебирать. Много ли времени прошло или мало, неизвестно, а Таисия так и сидела около печки, да, видно, уснула с горя. Очнулась она оттого, что кто—то об нее терся. Посмотрела вниз, а там рыжая кошечка сидит. Да такая забавная, шерстка длинная, шелковистая, рыжая-рыжая, прямо огонь. И глазками изумрудными прямо на Таисию смотрит. Удивилась Таисия, не было у них в доме никогда такой

кошечки. Взяла она ее на руки, прижала к себе и начала про беду свою рассказывать, что жизнь не мила ей стала. Кошечка слушала внимательно, да вдруг и заговорит человеческим голосом:

«Не плачь, милая, твоему горю помочь не просто, но можно».

Таисия от изумления чуть в обморок не упала, но взяла себя в руки и спросила:

«Откуда ты, чудесная кошечка, и почему по-нашему говоришь? Никогда такого чуда не видела, да от людей не слышала. Может, от горя разум мой помутился? Наверное, так и лучше. Глядишь, жениху не мила стану».

Кошечка не помедлила с ответом: «Нет, с тобой все в порядке. Я не простая кошечка, а волшебная. Я не каждому являюсь. Отец мой огонь, а про мать ничего не скажу. Уж больно сильно ты горевала, жаль мне тебя стало, вот я и решила помочь. Да и жених твой мне давно известен, это горный дух Синей гряды. Он красивых девушек похищает, или вот как тебя забирает, а потом в каменные истуканы превращает. Душу живую он себе забирает, поэтому и может он иногда в человека превращаться. Но время у него в человеческом облике ограничено, для этого ему все новые и новые жертвы нужны. Ведь душа в его каменном теле долго не живет, она все равно улетает, и тогда он вновь рискует в глыбу превратиться, и горе ему, если это не дома произойдет. Только у себя, в Синих горах, может он передвигаться без опаски, далее без души ему путь заказан. Ну а когда душа улетает, человек, что в камне спрятан и вовсе надежды лишается, и ничто его уже не спасет, так и будет истуканом весь век стоять. У него целый сад таких фигур. И тебя такая же участь ждет. Ну да я тебе помогу. Сейчас уже ничего поделать нельзя. Дух силен как никогда. Придется тебе с ним ехать. Но ты главное не бойся. Зашей в подол красную ленточку, синюю в косу вплети, а зеленую в рукаве спрячь. И смело иди за ним. Как до места доберетесь, он тебя конечно, в камень превратит, но часть души твоей с тобой останется. А я тем временем Никиту предупрежу, и мы к тебе на подмогу отправимся, одной мне не справиться», — промолвила так кошечка и потерялась ласково о подол девушки. Таисия немного успокоилась, решив, чему быть, того не миновать, раз уж так судьба

распорядилась, послать им с Никитой такие испытания, пусть так и будет. И пошла выполнять кошечкин наказ, да и заодно в дорогу собираться. Очень Таисия на кошечку понадеялась, потому как надеяться ей больше не на кого было.

Собрала она немного пожитков, зашила ленточки, как сказала кошечка, и прикорнула до утра. Утром вышла она в горницу, позвала отца, а он все в погребке сидел, деньги считал. Только каждый раз он со счета сбивался, и приходилось заново начинать. Уж больно много там денег было. Кликнула Таисия его из погреба, сказала, что хочет пойти с Никитой попрощаться, но отец раскричался на нее, и велел дома сидеть, жениха дожидаться. Негоже сосватанной невесте по парням бегать. Нечего делать, осталась Таисия, села у окошка, пригорюнилась, и запела песню о родном крае, о любви девичьей несостоявшейся. Хотела кошечку рыжую найти, погладить, да той нигде не было. «Видно, привиделось мне с горя, — подумала Таисия, — ну, да ладно, судьба девичья такая, от родительской воли никуда не денешься». Так, за думами, и вечер наступил. Стемнело. И сразу услышала Таисия во дворе цокот копыт. Сердце ее замерло, голова поникла на грудь. Поняла она, что жених здесь. Тотчас дверь распахнулась, и он показался на пороге.

«Ну что, невестушка, готова?— спросил он громким голосом. — Жаждался я тебя. Уже не терпится мне наедине с тобой остаться. Поехали поскорее, время не ждет».

Таисия поднялась со скамьи, тут и отец, услышав голоса, из погреба вылез.

«Здравствуй, здравствуй, дорогой гость, невеста готова, только вас с нетерпением дожидается. Ты готова, доченька?»— купец посмотрел на девушку с радостным умилением.

«Готова, отец»,— произнесла Таисия чуть слышно.

«Ну, вот и хорошо, пойдемте во двор, провожу»,— купцу не терпелось остаться одному.

Вышли они во двор, а там запряженные в карету, четверка вороных коней стоит. Что это за кони были! Один другого краше. Да и карета богато убрана, только мрачновата немного, шторы серые на окошках, и сама вся серая. Несмотря на непогоду, жители деревни

вышли посмотреть на чудо, отродясь они такой кареты не видели. Многие дальше соседней деревни никогда и не были. Дивились они, языками цокали. А купец, гордый, что такой гость у него, вел дочь под руку к карете. «Сосватали Таисьюшку, видите, какой жених нашелся, не то что вы, босяки, всем женихам жених!»— радовался купец. На сельчан он теперь и смотреть не хотел, не ровня они ему. В толпе и Никитка промелькнул, хотел броситься на жениха, да удержали его. Негоже бузу учинять, все знали— воля отца — закон для дочери.

«Уймись, Никитка, успокойся,— говорили люди,— не пара она тебе».

Уже занесла невеста ногу в карету, как отец спохватился, и, обращаясь к жениху, спросил: «Любезный зять, а как звать величать тебя? Так и не познакомились».

Зять усмехнулся, недобро посмотрел на купца, и отвечивал: «Имя мое, старик, ни к чему тебе, вряд ли более свидимся мы, но зови меня Варфоломеем».

Старик кивнул: «Хорошо, Варфоломеюшка, как скажешь». Поднял он руку, с дочерью попрощаться, и тут на пальце его перстень сверкнул, с огромным синим сапфиром — это он в сундуке с камнями нашел, и тут же надел. Гость перстень заметил, взгляд его вспыхнул каким—то красным злым огоньком, но ничего не сказал. Сели они в карету, дверь за собой захлопнули, и только их и видели. Не успела пыль улечься, а кареты уже и след простыл. Такие приткие кони оказались. Все разошлись, а Никита еще долго вдаль вглядывался. Да только не было там ничего, как ни смотри. Не успели они уехать, как у купца с рукой что—то странное начало происходить. Отяжелела она как—то враз, обвисла, ни поднять, ни пошевелить он ей не может. Посмотрел купец на руку, а она почернела вся, скукожилась, словно высохшее дерево стала. Хотел он перстень снять, да не смог. Рубин в булыжник превратился, а золото в простое железо. Кое—как спустился купец в погреб, на богатства поглядеть, да так и застыл там в столбняке. Все золото, что было, на глазах его в землю превратилось, а камни простыми булыжниками стали. И почудился ему вдруг в тишине погреба дьявольский хохот. Заплакал купец, понял,